

та. Другой разговор, что единый и универсальный дух проявляется через конкретную личность, занимающую конкретную и уникальную позицию в мире. Но, впрочем, и в science единый и целостный мир открывается в каких-то приближениях, с каких-то позиций исследования, экспериментирования, средств наблюдения, измерения и т.д.

Постижение человеком мира — попытки конечного существа понять бесконечное. Поэтому гуманитарность неизбежна с точки зрения личностной, базовых ценностей какой-то культуры или субкультуры и т.д. Поэтому тем более оказывается важным согласование (гармонизация, оптимизация) различных позиций и критериев. А это, в свою очередь, возможно, только при условии признания абсолютного и внебытийного критерия — свободы и условий ее реализации.

Свобода — инорациональность ответственности в гармоничном целом мира. Источник всего разнообразия современного единого мира (единого в своем разнообразии и разнообразного в своем единстве) коренится в сердце души каждой уникальной личности. И в этих глубинах бытия нет зла.

ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ: ОТ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ К ТИПОВОМУ ПОВЕДЕНИЮ*

С.С. ГУСЕВ

Традиционно считается, что гуманитарные науки связаны с изучением духовного мира человека, так называемой субъективной реальности, которая существенно определяет внешние формы взаимодействия людей с окружающим их миром. Такой взгляд сформировался в результате кризисной ситуации, возникшей в классической науке на рубеже XIX и XX веков. Попытки ее представителей рассматривать отношение людей с окружающей средой исключи-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Научная идея: выражение и восприятие», грант № 06-03-90306а/Б.

тельно как процесс взаимодействия «природных тел», привели в конце концов к осознанию неэффективности подобного подхода. Осознание целенаправленного характера человеческой активности (отличного от адаптационного выживания животных) заставило исследователей обратить внимание на то обстоятельство, что люди в процессе своих действий каким-то образом предварительно оценивают соотношенность предпринимаемых ими усилий с тем возможным результатом, который они хотят получить.

Поэтому основой выделения комплекса гуманитарных наук из системы классического естествознания стало представление о том, что изучение человеческой сущности должно обязательно ориентироваться на сферу эмоций и мыслей, направляющих и регулирующих процессы внешнего поведения людей. В связи с этим представлением философы, принадлежащие к баденской ветви неокантианства, предложили разделить классическую науку на такие области, как «науки о природе» и «науки о культуре». Совпавший с ними по основной проблемной направленности В. Дильтей охарактеризовал последний раздел как «науки о духе», еще более определенно указав границы гуманитарного знания. В результате основное внимание тех, кто настаивал на особом характере наук, изучающих сущность человека, оказалось ориентировано не столько на анализ способа действий той или иной группы людей, сколько на попытку понять: почему эти люди действовали *именно таким способом*?

Решая эту задачу, глава баденской школы неокантианства В. Виндельбанд, например, выделил в системе человеческих знаний разные типы суждений. Одни он определял как «фактологические суждения» (посредством которых фиксируется определенное состояние дел в мире), к другому относили «оценочные суждения» (выражающие некоторое отношение людей к этому состоянию). И поскольку суть процедуры оценивания состоит в сравнении интересующего объекта с каким-то эталонным образцом, постольку Виндельбанд в качестве такого образца предложил использовать систему ценностей, лежащую в основе любого типа культуры. И главную задачу гуманитарного познания (в особен-

ности такого раздела, как философия) он связывал с уяснением «самоочевидных принципов» абсолютной оценки¹.

Таким образом, в рамках неокантианской философии оформилось представление о том, что в отличие от практики естественнонаучного исследования (направленного на формулировку общих законов, регулирующих взаимодействие природных объектов) гуманитарные науки должны выявлять ценностные установки, обуславливающие конкретные формы человеческого поведения. Это означало, что в центр исследовательского интереса были выдвинуты феномены, с которыми ученые не могли вступать в контакт прямо и непосредственно. Ведь система ценностей не принадлежит самому «внешнему миру», а возникает в сознании людей, осмысливающих опыт своего коллективного взаимодействия с этим миром. Как позитивное, так и негативное восприятие характеристик действительности, привлекающих внимание человека, обусловлено, с одной стороны объективными условиями жизнедеятельности общества, с другой — реальными отношениями между его членами.

Идеи, высказанные Виндельбандом, получили дальнейшее развитие в работах его соратника и последователя Г. Риккерта, который еще более определенно характеризовал философское познание как «науку о ценностях». Он специально подчеркивал, что не только чувственно-эмпирическое, но и теоретико-познавательное отношение человека к окружающей действительности выражает определенные ценностные установки². При этом Риккерт настаивал на том, что необходимо отличать сами ценности от процедуры оценивания, поскольку такая процедура становится возможной лишь тогда, когда люди осознают наличие определенной системы эталонов. И с его точки зрения ценности не должны рассматриваться в качестве каких-то «субъективных образов действительности», поскольку они одинаково обязательны для разных людей, а потому связаны с отношением долженствования³.

¹ См.: *Виндельбанд В.* Избранное. Дух и история М., 1995. С. 58.

² См.: *Риккерт Г.* Философия жизни. Киев, 1998. С. 81 — 82.

³ См. там же. С. 156, 159.

Сходную позицию занимал В. Дильтей, представитель такого направления, как «Философия жизни». Совпадая с неокантианцами в признании ценностной природы гуманитарного знания, он рассматривал всевозможные формы взаимодействия людей с точки зрения отношений между их внутренними «переживаниями». Он считал, что поведение людей существенным образом обуславливается определенным настроением их психического мира. Поэтому задачу гуманитарных наук Дильтей видел в установлении связи между осмыслением людьми прошлого и формированием у них представлений о возможном будущем. По его мнению, индивид, осмысливая накопленный опыт, актуализирует его, переживает прошедшие события в ситуации «здесь и сейчас» и тем самым превращает их в некоторый элемент настоящего⁴. Точно так же представление об ожидаемом результате осуществляемых действий порождает определенное *сиюминутное переживание*, придает возможному будущему статус «как бы» уже реализованной действительности. Прошлое и будущее объединяются в настоящем, обеспечивая целенаправленную организацию человеческой жизни.

Переживание с этой точки зрения оказывается формой индивидуального самопознания, что способствует явной ориентированности человека при выборе своих целей и способов их достижения. Оценивая получаемые результаты, люди начинают более полно понимать, чего они хотят на самом деле, осознают реальную значимость событий, в которых они участвуют. Так сам процесс жизни постепенно проясняет для каждого индивида смысл отдельных переживаний, их соотношенность друг с другом. Потому-то и важна связь прошлого и будущего, ибо она позволяет обнаружить ценности, вне которых смысловая определенность человеческой жизни оказывается не выявленной. Дильтей подчеркивал, что только ценностная обусловленность любых индивидуальных проявлений жизни может обеспечить целостное восприятие человеком факта своего существования⁵.

⁴ См.: Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 131.

⁵ См. там же. С. 134.

Этим во многом обусловлен и интерес гуманитариев к историческому исследованию, как средству выявления и анализа ценностей, определяющих человеческую деятельность в разные периоды существования общества. Наряду с философией, история стала трактоваться многими авторами в качестве дисциплины, наиболее полно выражающей специфику гуманитарного познания. Именно в прошлом (как полагали и неокантианцы и Дильтей) можно найти ответ на вопрос о том, *почему в определенных ситуациях люди ведут себя определенным образом*. И в данном случае речь шла не об установлении причинно-следственной связи между какими-то объективными факторами, стимулировавшими не менее объективные человеческие поступки, а о попытке понять, какие эмоции и мысли заставляли людей совершать эти поступки. С точки зрения подобного подхода различие исторических периодов определяется конкретными формами проявления коллективных представлений и мотивов, обусловленных существовавшими в то время ценностями.

Но определение ценностей лишь в качестве явлений эмоционально-психологического характера не могло быть надежным основанием для отнесения гуманитарного познания к сфере науки. Ведь научное знание интерсубъективно. Естествознание, например, направлено на обнаружение объективно существующих «законов природы», действие которых не зависит от волеизъявления ученых. Могут ли гуманитарные дисциплины восприниматься в качестве «научных», если их предметом является «духовный мир», не представленный исследователю прямо и непосредственно? Такой вопрос неизбежно требовал от гуманитариев указания на какие-то характеристики изучаемых ими сущностей, также не зависящие от субъективных мнений и предпочтений исследователя, как не зависят от них природные явления.

Осознавая данную проблему, Риккерт и определял гуманитарное познание не как «науки о духе» (понятие, которое использовал Дильтей), а как «науки о культуре». С его точки зрения совокупность всех проявлений культурной деятельности (включающая и создание материальных предметов) является объектом, который не порождается произ-

вольным воображением того или иного автора. Действительно: тексты, памятники архитектуры, технические устройства — все это результаты коллективной деятельности людей, непосредственным образом предстающие перед теми, кто их изучает. В то же время возникновение этих предметов обусловлено какими-то процессами, происходящими в человеческом сознании. Таким образом, культуру можно рассматривать в качестве «интегральной» сущности, соединяющей в себе духовное и материальное. И, изучая материальные формы, в которых воплощались человеческие замыслы, специалист гуманитарий должен обнаруживать мотивы и цели, стимулировавшие когда-то создание именно этих вещей и текстов.

И Риккерта прежде всего интересовали не сами по себе предметы, создаваемые людьми, а те системы ценностей, которые так или иначе в них воплощались. Поэтому он приписывал ценностям статус особого существования, отличного и от материального и от чисто духовного бытия. Он утверждал, что ценности образуют особое «совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта»⁶. Таким образом, помещая ценности в сферу «трансцендентального», он надеялся избавить гуманитарные науки от упреков в субъективности. В этом смысле представление Риккерта об универсальности ценностных систем в чем-то сродни «идеальному типу» М. Вебера. Обе эти абстракции служат основанием для теоретической реконструкции некоего универсального эталона, реально проявляющегося через свои конкретно-локальные формы. Изучая их, исследователь обнаруживает какие-то повторяющиеся характеристики и выстраивает из них теоретическую структуру, инвариантную по отношению к каждой отдельной форме.

По мысли Риккерта, не может существовать культура, в которой так или иначе не были представлены какие-то представления о «красоте», «истине», «справедливости» и т.д., составляющие содержание ценностных систем соответствующего типа общества. Конечно, порой конкретные воп-

⁶ Риккерт Г. *Философия жизни*. Киев, 1998. С. 460.

лошения таких представлений могут настолько существенно не совпадать у носителей слишком далеких друг от друга культур, что на первый взгляд кажутся абсолютно несовместимыми. Однако теоретический анализ позволяет обнаружить сходство основных идей, лежащих в основании любой культуры. Именно такие идеи и составили содержание «универсальной» системы ценностей, которую сконструировал Риккерт. Присутствие этих ценностных установок в практике любого общества должно было, по его мысли, гарантировать научный характер исторического познания. Ведь наличие общих норм, регулирующих поведение людей, позволяет увидеть в событиях прошлого не произвол отдельных личностей или коллективов, а проявление действия определенных объективных (по крайней мере интерсубъективных) факторов.

В этом случае гуманитарное познание было бы обосновано не менее надежно, чем «науки о природе». Естествоиспытатель всегда убежден, что «законы природы», регулирующие функционирование объектов внешнего мира, позволяют отличить то положение дел в этом мире, которое «должно быть» от того, которое «быть не может». Но и гуманитарий ищет нормы «должного» поведения людей, обнаружение которых позволит описывать жизнедеятельность общества не менее единообразно, чем это осуществляется в рамках естествознания. Как подчеркивал позднее еще один немецкий представитель философии истории, «нет такой гуманитарной науки, которая не была бы «наукой о должном» (наукой о нормах)»⁷. И универсальный характер ценностных систем с этой точки зрения казался достаточно убедительным аргументом в пользу утверждений о том, что история (как одна из важнейших гуманитарных дисциплин) способна вырабатывать знание о «должном» и потому несомненно является наукой.

Однако естествоиспытатели продолжали настаивать на невозможности включить гуманитарные дисциплины в комплекс традиционной науки на том основании, что для наук о культуре характерна существенная неопределенность тер-

⁷ Шпанн О. Философия истории. СПб., 2005. С. 156.

минов, используемых при построении теоретических концепций. В самом деле, если в «науках о природе» господствовало стремление выработать некий единый для всех профессиональных исследователей язык, на котором любой ученый мог бы представлять результаты своих изысканий и быть однозначно понят другими специалистами, то гуманитарии использовали языковые средства, не слишком отличающиеся от тех, которые были привычны в сфере художественной практики, в публицистике или даже в бытовом общении. В качестве оправдания сторонники признания научного характера гуманитарных знаний обращали внимание на то обстоятельство, что данный вид познавательной деятельности только начинает оформляться в качестве особого раздела науки, тогда как история естественнонаучных дисциплин уже охватывает как минимум два столетия.

Однако ревнители «строгой науки» придавали неопределенности гуманитарного языка принципиальный характер и видели в нем источник многих трудностей, с которыми сталкивалось новое естествознание. Так называемая проблема демаркации была связана с попыткой «освободить» науку от еще сохранявшегося влияния философии, а, значит, и от тех гуманитарных оснований, на которых науки о природе когда-то оформлялись. И прежде всего от всяких ссылок на предположительные мотивы действий как исследователя, так и тех людей, поведение которых он изучает. Один из наиболее последовательных сторонников отделения науки от ее философских корней К. Поппер прямо утверждал: «Быть объективным значит не давать влиять на себя своим собственным ценностным суждениям»⁸. На самом деле он осознавал наличие неявных установок и в естественнонаучном знании. Этим обусловлено его требование критического отношения ученых к получаемым результатам, на чем базируется знаменитый «принцип фальсификационизма».

Но если в практике естественнонаучного исследования данное требование и может быть методологически эффек-

⁸ *Поппер К.* Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2005. С. 301.

тивным, то для гуманитария отказ от учета ценностных установок (как своих, так и тех людей, на которых направлен его познавательный интерес) ведет к утрате специфики наук о духовном мире человека. Ведь значительная часть работы историка, психолога или социолога связана с необходимостью вступать в общение с другими людьми. И степень взаимопонимания, достигаемая при этом, существенно зависит от того, насколько осознанно исследователь соотносит свои внутренние представления и мотивы с интеллектуально-психологическими установками своих собеседников. В том числе и от того, насколько совпадают между собой ценностные установки каждого участника коммуникативного процесса. И все-таки критика со стороны естествоиспытателей заставила гуманитариев усомниться в идее существования особой «универсальной» системы ценностей, одинаковым образом определяющей любые человеческие действия.

Этому способствовал и процесс изменения всего комплекса познавательной деятельности, превращение науки из «классической» в «неклассическую», а затем и в «постнеклассическую». Явно осознаваемое современными естествоиспытателями крушение надежд на создание «идеального языка» науки и на возможность ее абсолютного отделения от философии обусловили интерес к выяснению реальных предпосылок, влияющих на организацию научного поиска. Постепенно стало ясно, что производство знаний и их трансляция в профессиональном сообществе во многом определяются ситуационными условиями, в которых осуществляется конкретный научный поиск. Все более укреплялся взгляд на исследование как «диалог» между ученым и объектом его интереса (как известно, и так называемый «антропный принцип», подчеркивающий принципиальную необходимость учитывать наличие человека в устройстве вселенной, введен в исследовательскую практику естествоиспытателями, а не гуманитариями). Все же для представителей наук о природе взгляд на познание как на именно «диалог» имеет несколько метафорический оттенок, тогда как в гуманитарном познании такая позиция проявляется прямо и непосредственно.

Ведь вступая во взаимодействие с другими людьми, гуманитарий вынужден явно учитывать контекст отношений, складывающихся между ним и его собеседниками. В данном случае объектом изучения является человек, поведение которого определяется его внутренними установками, представлениями, испытываемыми эмоциями и т.д. Поэтому в определенных ситуациях (например, в рамках психологического эксперимента или социологического опроса) испытуемые могут достаточно явным образом влиять на способ своего взаимодействия с исследователем, активно преобразуя изначальные условия, заданные им. Довольно часто случается так, что ученый, поначалу исходящий из представления о себе как о единственном источнике и регуляторе общения, начинает осознавать определенное изменение своей роли, превращается отчасти в того, на кого направлено обратное воздействие испытуемого. И адекватная оценка получаемых им результатов может быть достигнута только с учетом специфики коммуникативного процесса, возникающего в конкретной ситуации.

Достижение взаимопонимания не является непрерывным и последовательным переходом собеседников от одной фазы диалога к другой. Скорее это процесс дискретно-фрагментарный. Не случайно известный специалист в области «искусственного интеллекта» М. Минский когда-то утверждал, что «единственный способ для человека понять что-либо сложное — это стремиться к локальному пониманию в каждой временной точке»⁹. И в разных ситуациях выделение таких локальных точек весьма существенно различается. Оно может не совпадать и у людей, чьи ценностные ориентации и фундаментальные представления слишком сильно не совпадают.

Осознание данного обстоятельства заставило представителей гуманитарного познания радикально изменить взгляд на характер и цели своей деятельности. Это изменение, в частности, достаточно наглядно проявилось в переосмыслении представлений о сущности исторического ис-

⁹ Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988. С. 300.

следования (поскольку и сегодня история не утратила до конца своего статуса «эталонной» гуманитарной дисциплины). Сегодня все большее число авторов старается увидеть в истории не столько описание событий прошлого, сколько конструирование теоретических моделей, с помощью которых можно было бы объяснять суть социальных процессов, происходивших когда-то. Не случайно именно проблема «исторического объяснения» стала одной из самых обсуждаемых в философии истории в середине XX столетия. Известная дискуссия К. Гемпеля и У. Дрей продемонстрировала кардинальный сдвиг в отношении гуманитариев к предмету своего изучения.

В частности У. Дрей призывал отказаться от поиска универсальных законов, регулирующих жизнь общества, и ориентироваться на так называемые *ограниченные обобщения*, справедливые только для конкретно-определенных ситуаций. Он утверждал, что главной задачей философского анализа истории является «рациональная реконструкция практики, а не ее копирование»¹⁰. Историк с его точки зрения должен искать связь между мотивами и убеждениями человека и совершаемыми им поступками. Лишь тогда можно оценить степень рациональности конкретного поведения людей, находившихся в не менее конкретных ситуациях. Сам Дрей считал попытки историков «реконструировать жизнь людей в других местах и в другие периоды» проявлением человеческого любопытства¹¹. Однако сегодняшний социальный опыт позволяет увидеть в такой ориентации гуманитарного познания более прагматический смысл.

Стремление перевести историческое исследование от создания абстрактных теоретических схем к ориентации на личный «интеллектуальный опыт» выражено, в частности, и в недавно опубликованной книге известного американского специалиста в области философии истории Ф. Анкерсмита. В своей книге Анкерсмит критикует попытки найти какие-то «трансцендентальные» основания исторического

¹⁰ Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М., 1977. С. 40.

¹¹ См. там же. С. 70.

знания, направленные на стандартизацию исследовательского опыта восприятия прошлого. По его мнению, внимание теоретиков исключительно к языковым факторам, определяющим построение исторических повествований (нарративов), которое получило широкое распространение в последнее время, обусловлено устаревшей методологической установкой на поиск каких-то инвариантных языковых структур, в которые можно было бы «втиснуть» реальный исторический опыт. И американский философ настаивает на том, что «язык не существует вне бесконечного множества конкретных обстоятельств его употребления»¹².

Что может означать подобный поворот исследователей от попыток создавать концептуальные схемы, претендующие на истинностное описание прошлого, к анализу реального «личного опыта» в восприятии прошедших эпох? Не свидетельствует ли это о растущем понимании того обстоятельства, что гуманитарное познание должно обязательно строиться с учетом конкретной ситуации, в которой то или иное событие осуществляется или осуществлялось? В этом случае увязывание поведения реальных людей с теми представлениями и предпочтениями, которые присутствуют в их «субъективной реальности», предполагает не ориентацию на некую «всеобщую и неизменную» систему ценностей, а выявление конкретно-ситуативных установок, определяющих действие в локальной «данной» обстановке. Лишь тогда ценности оказываются вполне эффективным регулятором реальных (а не абстрактно сконструированных теоретиком) человеческих действий.

Например, известный отечественный логик А.А. Ивин справедливо утверждает, что ценности не являются неким абстрактным образцом, а выражают представление человека о том, каким должно быть то положение дел, с которым он сталкивается в некоторый данный момент¹³. В этом смысле ценности можно рассматривать в качестве некоего «проекта будущего», т.е. неявной инструкции, предписывающей

¹² Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 203.

¹³ См.: Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8.

человеку определенное конкретное поведение здесь и сейчас. Но поскольку оценка имеющегося положения дел (как и представления индивида о том, каким это положение «должно быть») обладает достаточно динамичным характером и может существенно не совпадать у разных людей, действующих в одной и той же ситуации, постольку и сам такой «проект» не может быть универсальным. Очевидно, необходимо наличие определенного «спектра возможностей», из которого каждый человек мог бы выбирать тот вариант, который ему представляется наиболее эффективным в данных локальных обстоятельствах.

Одной из важных задач гуманитарного познания и является создание подобного спектра возможностей. И здесь историческое исследование действительно играет очень важную роль, поскольку с его помощью выявляются наиболее типичные ситуации, не раз возникавшие в разные периоды прошлого, а также способы человеческих действий, которые оказывались успешными в тех условиях. И Дрей и Поппер не раз отмечали, что представление современного исследователя о том, насколько рациональными были действия людей в той или иной исторической ситуации, обусловлено соотношением предполагаемых им мысленных установок этих людей с мысленными установками самого исследователя. Если ученый считает, что он сам (оказавшись в подобном же положении) вел бы себя так же, как эти люди, то он должен признавать совершенные ими поступки вполне рациональными.

Но в подобной позиции неявно сохраняется представление о возможности каких-то «всеобщих и неизменных» критериев рациональности. На самом деле динамизм современной общественной жизни демонстрирует умение людей использовать в различных условиях различные же правила поведения. Критерии рациональности оказываются вариативными. Не случайно современные авторы выделяют как минимум два типа рациональности, явно отличающихся друг от друга. Один из них характеризует поведение людей, регулируемое давно сложившимися традиционными правилами, другой реализуется там, где возникает необходимость отказаться от существующих нормативов, заменить их ка-

кими-то другими¹⁴. Ведь простое воспроизведение стратегий, когда-то оказавшихся эффективными, не всегда обеспечивает успешность человеческих действий. Некритическое использование поведенческих стереотипов может иногда привести к весьма катастрофическим результатам.

Поэтому задача гуманитарного познания связана не только с выявлением «типичных» случаев успешного поведения людей и построением какой-то их классификации, но и с постоянным анализом возможностей их использования в актуальных ситуациях общественной жизни. В связи с этим можно довольно отчетливо различить формирование в современном гуманитарном познании особой области исследований, которую можно расценивать как уровень «метатеоретического» знания. Во всяком случае, термин «метаистория» уже устойчиво используется в современной историографии¹⁵. Некоторые специалисты считают необходимым вводить различие и между «эмпирическими» и «теоретическими» исследованиями в области истории. Сходные процессы происходят и в других областях наук о культуре.

Это свидетельствует о растущей потребности гуманитариев в создании методологических средств, позволяющих переходить от описания собираемых данных и их первичного обобщения, к объяснению сущности обнаруживаемых феноменов, а затем и к прогнозированию возможного поведения людей (в глобальном смысле — человечества) в ситуациях, с которыми они пока не сталкивались. Только в случае реализации всех этих трех функций, определяющих существование науки в качестве особой области познавательной деятельности, можно будет говорить и о гуманитарном познании как о сфере действительно научного познания, при всей его специфичности. И отход естествознания от поиска «универсальных» ответов на вопросы, формулируемые современными исследователями, может свидетельствовать о новом синтезе «наук о природе» и «наук о культуре». Все-таки именно люди и производят знание о

¹⁴ См.: *Касавин И.Т., Лекторский В.А., Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры // Вестник РАН. 2005. Т. 75. № 11.

¹⁵ См.: *Уайт Х.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

мире и используют его в реальных ситуациях своего взаимодействия с окружающей действительностью.

Можно предположить, что сущность метатеоретического уровня в гуманитарном познании обусловлена ориентацией на выявление и систематизацию «правил коллективного поведения» людей, а также на создание *надежных оснований для выбора тех правил, которые могут быть наиболее эффективными в реальных ситуациях, возникающих в современной социальной действительности*. История позволяет обнаруживать такие ситуации (и, соответственно, правила действий в них) в прошлом; социология решает эту же задачу в современных условиях; «гуманитарная психология» (о необходимости которой давно уже говорят как отечественные, так и зарубежные специалисты) направлена на изучение процессов, проходящих в субъективной реальности людей, взаимодействующих друг с другом в различных конкретных условиях. Именно связь одних гуманитарных дисциплин с другими должна обеспечить получение реальных и эффективных рекомендаций, способных успешно организовывать процессы, происходящие в реальной социальной жизни.

Правда, сегодня некоторые авторы предлагают отделять «социальные науки» от собственно «гуманитарных», связывая первые с изучением объективных процессов, происходящих в общественной жизни, а сущность вторых относя к области изучения именно духовного мира людей. И все же необходимо иметь в виду, что «социальные дисциплины» не могут абсолютным образом отвлекаться от учета того, что в массовом поведении людей так или иначе проявляются их представления, эмоции и целевые установки, возникающие именно в сфере духовной. Наука, при всем разнообразии ее составляющих, есть единая система. И общая направленность ее подразделений в целом одна и та же — выявление области «возможного». Только если естествознание определяет *возможности, скрытые в самом окружающем мире*, то гуманитарное познание способствует пониманию *возможностей человеческого действия*. В частности и таких, которые пока остаются нереализованными. Однако выявлять их надо именно сейчас, прежде чем могут возникнуть ситуации, несущие угрозу для человеческого общества.